

УДК 160.1

DOI:

10.15372/PS20160410

В.И. Силантьев

ПОНЯТИЕ КОГНИТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО*

В статье рассматривается понятие “когнитивного бессознательного”, широко используемое в современной когнитивной психологии. Проводится анализ основных методов его эмпирического изучения. Сформулированы две точки зрения на онтологический статус бессознательного: сильная и слабая версии. В заключении отмечается, что при теоретическом осмыслении неосознаваемой ментальной сферы необходимо учитывать тот факт, что бессознательное и сознание связаны между собой генетически и функционально.

Ключевые слова: когнитивное бессознательное, процедурное знание, имплицитное знание, искусственные грамматики, эффект прайминга, сильная и слабая версии бессознательного.

V.I. Silantev

THE CONCEPT OF COGNITIVE UNCONSCIOUS

The concept of “cognitive unconscious”, widely used in current cognitive psychology, is considered. Main empirical approaches to its investigation are analyzed. Two views on the concept ontology (strong and weak versions of the unconscious) are stated. Finally, the article notes that theoretical consideration of the unconscious has to pay respect to the fact that unconscious and consciousness are genetically related to each other.

Keywords: cognitive unconscious, procedural knowledge, implicit knowledge, artificial grammar learning, priming effect, strong and weak versions of the unconscious.

Введение

Впервые предположение о существовании бессознательного было сформулировано Г.В. Лейбницем в его классическом труде “Монодология”. Философ отмечал, что “картезианцы сделали большую ошибку, считая за ничто неосознаваемые восприятия” [Лейбниц, 1982, С. 415]. Онтологическим “субстратом” неосознаваемых познавательных процес-

* Публикуется в авторской редакции.

сов, согласно Лейбницу, выступали простые монады, не обладающие ни сознанием, ни памятью [там же, С. 416]. Философ проводил аналогию между неосознаваемыми восприятиями в структуре разума с положением элементарных частиц в материальном мире, поскольку и те, и другие недоступны чувственному опыту и поскольку из них состоит все [Лейбниц, 1983, С. 56]. По мысли философа, такие восприятия протекают постоянно и являются основанием для тождества индивида [там же, С. 54, 55].

В психологии первым данную область осмыслил Г. Гельмгольц. Исследователь полагал, что восприятие является продуктом имеющихся у субъекта знаний, и определяется памятью о прошлых событиях. Для объяснения влияния сформировавшихся у индивида способов познания на восприятие ученый использовал понятие “бессознательных умозаключений”.

Специфическое развитие понятие бессознательного получило в рамках психоанализа З. Фрейда. Здесь оно выступало не просто как совокупность психических автоматизмов, но как целостная структура, способная влиять на сознание; как сила, которая в известной степени сама является субъектом действий. Следует отметить, что, несмотря на свою чрезвычайную популярность в обществе, психоаналитические идеи так и не получили широкого признания в среде академической науки. Это, прежде всего, обусловлено принципиальной непроверяемостью положений психоанализа.

Говоря об основных исторических вехах в становлении понятия бессознательного, нельзя также не упомянуть об исследованиях сознания. С одной стороны, эти понятия тесно связаны друг с другом. С другой стороны, исследования сознания оказали серьезное влияние на изучение бессознательного.

Как известно, попытки систематического экспериментального изучения непосредственных данных сознания, предпринятые на рубеже XIX–XX вв. В. Вундтом, Э.Б. Титченером и другими в рамках интраспективной психологии, потерпели неудачу. Это явилось одним из ключевых факторов для распространения бихевиоризма в американской психологии в первой половине XX в. В рамках бихевиоризма, считавшего сознание понятием, весьма туманным с точки зрения объективной науки, исследователи сосредоточили свое внимание на изучении поведения. Соответственно, был утрачен интерес и к теме бессознательного.

Возрождение исследований бессознательного связано с так называемой “когнитивной революцией”, произошедшей в ряде дисциплин начале 50-х годов XX-го столетия в связи с развитием теории систем,

кибернетики и компьютеростроения. К этому моменту стало очевидно, что познавательная деятельность человека не может быть сведена ни к непосредственным данным сознания, ни к поведению. Распространение получил когнитивный подход, в широком смысле рассматривающий психический аппарат как сложную программу.

Областью исследований в когнитивной психологии, предвосхитившей некоторые направления изучения когнитивного бессознательного, являются исследования селективной природы внимания. Здесь на множестве примеров было показано, что в процессе познания психический аппарат обрабатывает информацию, которую мы не осознаем.

Согласно У. Найссеру, одному из основателей когнитивной психологии, познавательная деятельность детерминирована неосознаваемыми «когнитивными схемами». Схема это план разворачивания операций в рамках той или иной познавательной деятельности. Д. Брунер, другой видный представитель когнитивной психологии, ввел понятие перцептивных гипотез, представляющих собой своего предположения, выдвигаемые разумом относительно мира, и регулирующие, в частности, зрительное восприятие.

Понятие когнитивного бессознательного

1. Бессознательное как не-сознание

Независимо от того, к какому направлению относятся авторы, работающие в данной области, общим для всех является представление о бессознательном как о чем-то, по самой своей сути противоположном сознанию [Greenwald, 1992, P. 767]. С одной стороны, такой взгляд представляется наиболее очевидным способом определения бессознательного. Чем еще оно может быть, как не противоположностью сознания, то есть сферой неосознаваемого ментального содержания? С другой стороны, следует признать, что попытка дать определение бессознательного, отталкиваясь от феноменальной сферы, сопряжена с серьезной концептуальной трудностью, поскольку определить сознание, несмотря на его непосредственную данность субъекту, – достаточно сложная задача.

Некоторые авторы считают ошибочным рассматривать бессознательное через его противопоставление феноменальному опыту и настаивают на том, что оно обладает специфической природой. Так, Дж.А. Барх и Е. Морселла обращают внимание на то, что как в философии, так и в науке ментальный мир до последнего времени рассматривался, прежде всего, как осознаваемый [Bargh, Morsella, 2008]. Неудивительно по-

этому, пишут авторы, что при таком взгляде бессознательное отождествляют с обработкой подпороговых стимулов, т.е. стимулов, физические характеристики которых настолько незначительны, что они не могут быть осознаны.

2. Когнитивное бессознательное и психоаналитическое бессознательное

Несмотря на то, что понятие когнитивного бессознательного оформилось в рамках когнитивной психологии, существует некоторая преемственность между ним и классическим психоаналитическим бессознательным. В обоих случаях речь идет о существовании неосознаваемого уровня ментальных процессов, работа которых принципиально недоступна сознанию и в то же время оказывает систематическое влияние на осознаваемую деятельность.

Основное отличие понятия когнитивного бессознательного от психоаналитического бессознательного носит парадигмальный характер. Если в рамках психоанализа ментальная жизнь представляет собой борьбу различных сил, наделенных психической энергией, то согласно когнитивному подходу, в основе ментальных процессов лежит переработка информации. В учении Фрейда бессознательное выступает как иррациональная сила, побуждающая сознание к исполнению архаичных влечений, тогда как в когнитивизме бессознательное понимается как вычислительная структура, выполняющая множество операций за кулисами сознания. Работа этой вычислительной машины имеет рациональный характер. Дж.Ф. Килсторм следующим образом характеризует различия между двумя понятиями: “психологическое бессознательное, описываемое в современной научной психологии, совершенно отлично от того, которое подразумевали Зигмунд Фрейд и его коллеги... Их бессознательное было горячим и влажным, оно было охвачено страстью и гневом, оно галлюцинировало, было примитивным и иррациональным. Бессознательное в современной психологии добрее и мягче, а также более тесно связано с реальностью и более рационально” [Kihlstrom, 1992, P. 1445].

Методологические аспекты изучения когнитивного бессознательного

1. Процедурное знание

В когнитивной психологии широко распространение получило деление знания на декларативное и процедурное [Kihlstorm,

Barnhardt, Tataryn, 1992, P. 767]. Примерами декларативного знания являются суждения об объектах, фактическая информация, произвольно контролируемые двигательные навыки, воспоминания и т.д. Такого рода знания, как правило, доступны для осознания и могут быть выражены в языке. В качестве примера суждения, выражающего декларативное знание, может быть использовано следующее: “это дерево стоит ближе к нам, чем другое”.

Процедурное знание, в отличие от декларативного, не носит предметный характер. Оно представляет собой те алгоритмы или правила, руководствуясь которыми, мы судим о предметах окружающего мира. Содержание процедурного знания не осознается и не может быть выражено в языке. Вернемся к суждению о расположении деревьев. Процедурным знанием здесь являются неосознаваемые критерии, по которым осуществляется вычленение индивидуальных объектов из потока поступающей информации, отнесение их к тем или иным категориям, а также правила, по которым психический аппарат определяет относительную приближенность или удаленность объектов. Мы видим, что одно дерево находится ближе к нам, но при этом не осознаем тех принципов, по которым выстраиваем это пространственное соотношение.

Данный пример иллюстрирует разделяемый многими авторами тезис, согласно которому принципы возникновения феноменов внутреннего опыта, а также механизмы, регулирующие их основные характеристики, недоступны сознанию. Сознание это прекрасный инструмент для осознания объектов. Оно даже может делать объектом осознания само себя. Однако оно не может осознать когнитивные механизмы, обеспечивающие его работу.

2. ИмPLICITное знание и искусственные грамматики

Обучение искусственным грамматикам как метод эмпирического изучения имPLICITного знания было впервые применено А.С. Ребером в 1967 году¹. Стимульный материал, предъявляемый испытуемым в таких исследованиях, состоит из последовательности бессмысленных зна-

¹ ИмPLICITное знание это область неявных знаний и навыков, которыми располагает индивид, но которые, как правило, являются недоступными как для вербализации, так и для осознания. Примером имPLICITного могут служить критерии, по которым мы оцениваем лицо незнакомого человека как приятное или неприятное, ментальные правила, которыми мы пользуемся, разговаривая на своем родном языке и др.

ков. Участников просят запомнить несколько таких последовательностей. Также существуют правила, в соответствии с которыми знаки следуют друг за другом. Участники не знают о существовании этих правил. Вне зависимости от того, удастся ли им все правильно запомнить, испытуемые обычно усваивают закономерности в последовательности знаков. Причем усвоение правил происходит на неосознаваемом уровне.

Любопытно то, что когда участникам эксперимента сообщают о существовании закономерностей в последовательности символов, это не только не упрощает задачу на припоминание, но наоборот, существенно осложняет воспроизведение стимулов в последующей экспериментальной ситуации [Иванчей И.И., Морошкина Н.В., 2013, С. 2]. В одном исследовании студентам даже предложили 100 долларов в качестве вознаграждения и неограниченное время на то, чтобы понять, какие характеристики стимульного материала варьировались экспериментатором в ходе исследования. Некоторые участники искали ответ в течение нескольких часов, но никто из них так и не смог правильно назвать варьируемые параметры [Lewicki, Hill, Czyzewska, 1992, 1992, P. 798].

Данный эффект объясняется следующим образом. Поскольку искусственные грамматики относятся к имплицитному знанию, осознанно выявить их без помощи подсказок экспериментатора практически невозможно. В то же время, знание о том, что в задаче присутствуют некие скрытые правила, лишь создает дополнительную трудность перед испытуемым. Ведь теперь он не просто должен запоминать материал, но также думать над принципами организации этого материала.

3. Неосознаваемая семантическая обработка информации и эффект прайминга.

На сегодняшний день в рамках когнитивной психологии общепризнанным является то, что значительная часть семантической обработки стимулов, поступающих извне, осуществляется на неосознаваемом уровне. Одной из наиболее разработанных областей здесь являются исследования так называемого “прайминга” (от англ. prime – первичный, первоначальный, главный).

Данный эффект заключается в том, что значение стимула, предъявляемого на столь короткие интервалы времени, что его невозможно осознать, влияет на последующие осознаваемые действия и реакции человека [Agafonov, 2010]. По характеру влияния на деятельность различают позитивный и негативный прайминги [там же]. Позитивный прайминг повышает эффективность решения задач, в то время как негатив-

ный затрудняет их решение. Известно также, что характер эмоциональной окраски слова-стимула, использующегося в качестве прайма, влияет на восприятие нейтральной информации (например, спокойного выражения лица).

При помощи данного метода удалось также установить, что на неосознаваемом уровне не только производится обработка информации по уже существующим семантическим правилам, но также формируются новые семантические связи. В исследовании, посвященном этому вопросу, экспериментаторам удалось “приписать” семантический признак неосознаваемому стимулу, изначально семантически нейтральному, причем сам процесс приписывания нового значения также протекал на неосознаваемом уровне! [Куделькина, 2008]

Исследования с применением эффекта прайминга обнаружили еще одну любопытную особенность неосознаваемой работы разума. При использовании в качестве прайма многозначных слов исследователи обратили внимание на то, что эти стимулы влияют на скорость узнавания синонимов *разных* значений исходного слова. Так, если в качестве неосознаваемого стимула использовалось английское слово “bugs”, это сокращало время, необходимое для узнавания как слова “ant”, так и слова “sru”. Отсюда был сделан впечатляющий вывод, согласно которому, разум на неосознаваемом уровне оперирует всеми основными значениями воспринимаемых стимулов одновременно [Agafonov, 2010].

Однако имеют ли отношение к реальности эти и другие экспериментально полученные результаты? Вопрос о том, соответствуют ли данные, полученные в эмпирических исследованиях, естественному течению ментальной жизни, наиболее последовательно был сформулирован Дж. Гибсоном, основателем так называемого “экологического” подхода к изучению познавательных процессов².

Допустимо ли, к примеру, исследовать зрительное восприятие в лабораторных условиях? Ведь обычно оно протекает в трехмерном пространстве и в естественных для индивида условиях, в то время как в экспериментальной ситуации объектами зрительного восприятия, как правило, являются черно-белые фигуры, рассматриваемые на плоскости, находящиеся на строго определенном удалении от участника, а на весь процесс восприятия отводится фиксированное время. Аналогичным образом, можно задаться вопросом, что в действительности исследуется

² Для более подробного ознакомления с этим подходом см. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. Москва, “Прогресс”, 1988.

при использовании прайминг-эффекта? Разве в реальности перед нами мелькают в считанные доли секунды слова или другие стимулы? Иными словами, являются ли исследования прайминг-эффекта экологически валидными?

Дж. А. Барх и Е. Мосрелла дают положительный ответ на этот вопрос. По их мнению, прайминг-эффект существует не только в лаборатории. Этот феномен сопровождает нас всю нашу жизнь. “Контекстный прайминг, – пишут авторы, – это механизм, обеспечивающий еще более точное приспособление к событиям и людям в актуальном моменте времени... само присутствие определенных событий или людей автоматически активирует их репрезентации” [Bargh, Morsella, 2008]. И далее: “объекты, связанные с [естественным. – В.С.] действием, параллельно активируют многочисленные схемы действий” [там же]. Таким образом, в естественных условиях постоянно протекает неосознаваемая обработка событий из окружения субъекта. Осознает он при этом лишь то, что является предметом текущей деятельности.

К вопросу о целостности бессознательного. Сильная и слабая версии бессознательного

Принимая во внимание наличие множества эмпирических исследований неосознаваемой работы разума, существование бессознательного (как бы мы его ни понимали) не вызывает никакого сомнения. Ментальная сфера не может быть сведена к совокупности феноменов внутреннего опыта, поскольку для появления и функционирования *любого* субъективного опыта разуму требуется выполнить определенную подготовительную работу, осуществляемую за пределами этого опыта, то есть на неосознаваемом уровне.

На сегодняшний день практически ни у кого нет сомнений в том, что ментальная сфера не сводится к осознаваемым феноменам. Однако общепринятого взгляда на природу бессознательного нет. Одним из ключевых аспектов здесь является вопрос о целостности неосознаваемой ментальной сферы.

1. Сильная версия когнитивного бессознательного: бессознательное как целостная ментальная структура.

Согласно так называемому “радикальному когнитивизму”, направлению, развиваемому В.М. Аллахвердовым, А.Ю. Агафоновым, а также их исследовательскими группами, бессознательное представляет собой

целостный механизм, наделенный неограниченными возможностями в плане обработки информации. Оно играет ключевую роль в построении ментальной модели мира. По мнению исследователей, ограничения в плане когнитивной деятельности существуют только на уровне сознания и обусловлены не дефицитом возможностей нашего мозга, но скорее самой логикой познания и теми задачами, которые стоят перед ним: “*логика познавательной деятельности* сама по себе накладывает ограничения на информационные преобразования в психике и сознании... эти ограничения настолько мощнее физических или физиологических, что последними можно пренебречь” [Аллахвердов, 2011, С. 12].

Авторы подчеркивают, что неосознаваемая когнитивная деятельность лежит в основе *каждого* акта осознания, начиная с формирования зрительных образов и заканчивая ситуациями, в которых необходимо принять жизненно важное решение: “когнитивное бессознательное охватывает практически весь спектр явлений человеческой деятельности вплоть до таких, которые всегда было принято считать прерогативой сознания, – область семантических преобразований, социального взаимодействия, моральных суждений, постановки целей и пр. Даже самые сложные решения человек принимает до осознания этих решений” [там же, С. 9].

Более того, бессознательное не просто осуществляет предварительную подготовку актов осознания. В считанные доли секунды оно обрабатывает множество вариантов развития событий, соотнося происходящее с актуальными задачами, и работая над всеми ними одновременно. Именно здесь, на неосознаваемом уровне, осуществляется “принятие решения” об осознании либо неосознании того или иного события³. Итак, с одной стороны, данная концепция предполагает, что бессознательное является целостной структурой, могущественным вычислительным аппаратом, возможности которого многократно превосходят возможности сознания. С другой стороны, оно обладает онтологическим приоритетом по отношению к феноменальному опыту.

³ Механизмы принятия бессознательным решения об осознании или неосознании информации связаны с понятиями “позитивного выбора” и “негативного выбора”. Понятие позитивного выбора было сформулировано В.М. Аллахвердовым после того, как он в ходе проведения экспериментов по запоминанию и воспроизведению стимулов обратил внимание на то, что испытуемые склонны систематически воспроизводить или не воспроизводить одни и те же знаки, сами того не осознавая. По мнению автора, ситуацию избирательного воспроизведения или невоспроизведения трудно объяснить без допущения о том, что решение об осознании или неосознании информации принимаются разумом еще до возникновения феноменального опыта.

Отметим, что сильная версия бессознательного может быть сформулирована не только в рамках когнитивного подхода, где основной функцией разума считается познание, но и с позиции эволюционного подхода, где разум рассматривается как средство приспособления организма к среде. Так, согласно, Дж. А. Барху и Е. Мосрселле “бессознательное развивалось как система управления поведением и как источник адаптивных и подходящих [для выживания индивида либо популяции. – *V.C.*] действий” [Bargh, Morsella, 2008]. Авторы особенно подчеркивают, что традиция понимать под бессознательным всего лишь нечто, противоположное сознанию, является ошибочной и не отражает его специфику. Бессознательное, по мысли авторов, является филогенетически более древней структурой, нежели сознание. Исходя из этого, его роль не может быть сведена к обработке подпороговых стимулов (неосознаваемой информации). Будучи важнейшей адаптивной системой, бессознательное осуществляет управление как поведением, так и сознанием.

2. Слабая версия когнитивного бессознательного: бессознательное как совокупность разрозненных ментальных операций.

Понятие когнитивного бессознательного оформилось в рамках экспериментальной психологии. Именно многочисленные эмпирические данные, полученные в области изучения неосознаваемой ментальной деятельности, навели некоторых авторов на предположение, что сфера неосознаваемого опыта представляет собой некую структурную и функциональную целостность.

Как это ни странно, но подчас те же самые эксперименты наводили других исследователей на сомнение в том, что понятие когнитивного бессознательного отражает единый и могущественный познавательный механизм. Хотя в целом такая точка зрения не является преобладающей, она имеет свои основания, и ее необходимо кратко обозначить.

Основная линия аргументации против тезиса о сильном бессознательном может быть выражена в следующих двух тезисах:

а) экспериментальные исследования бессознательного, как правило, выявляют эффекты, имеющие частный характер. Допущение о существовании единого бессознательного, сделанное из обобщения этих эффектов, таким образом, является необоснованным;

б) среди выявленных эффектов преобладают достаточно простые когнитивные операции, что не позволяет сделать вывод о способности бессознательного к выполнению более сложных задач.

Согласно рассматриваемому взгляду, сложные и утонченные операции семантического анализа, которые якобы выполняет бессознательное, зачастую можно объяснить более простыми операциями. Так, А.Г. Гринволд приводит пример простого объяснения такого, на первый взгляд, сложного механизма как психологическая защита: “Более простое описание самообмана следует из наблюдения того, что можно избегать тревожной ситуации, не проводя при этом когнитивный анализ, необходимый для того, чтобы знать, что именно угрожает [индивиду. – В.С.]. В качестве аналогии предположим, что для того, чтобы выбросить ненужное почтовое письмо (мусор), требуется определить лишь несколько внешних признаков, таких как низкая стоимость отправки, машинная адресация, коммерческий адрес в качестве обратного адреса и низкое качество бумаги конверта. Этих признаков вполне достаточно для того, чтобы выбросить письмо, не придав ему должного значения. Эта адаптивная реакция избегания, очевидно, не требует наличия знания о специфической природе того явления, которого нужно избегать (того, что находится в конверте). Аналогичным образом, адаптивные когнитивные защиты, вероятно, могут работать, исходя из поверхностных тревожных сигналов” [Greenwald, 1992, P. 773].

Согласно Дж.Ф. Килсторму, классическая теория обработки информации рассматривает бессознательное как совокупность неактуальных мнемических следов, а также стимулов, не достигающих по тем или иным причинам порога сознания [Kihlstrom, 1987]. Осознаваемый опыт, таким образом, является более высоким уровнем когнитивных процессов, нежели неосознаваемые когнитивные операции, чья роль состоит скорее в “обслуживании” сознания.

3. Бессознательное это «умная» или «глупая» когнитивная структура⁴?

Другим важным аспектом в процессе теоретического осмысления понятия когнитивного бессознательного является вопрос о том,

⁴ В литературе, посвященной исследованиям в данной области, бессознательное иногда называют умным или утонченным (sophisticated) либо наоборот глупым, подразумевая при этом сложность операций, которые оно способно выполнять. Вероятно, традиция оценивать бессознательное в интеллектуальном плане возникла после публикации статьи Е.Ф. Лофтусом и М.Р. Клингером, название и содержание которой напрямую касались данного вопроса. См.: Loftus E.F., Klinger M.R. Is The Unconscious Smart Or Dumb? // American psychologist 47:761–65 (1992).

какие задачи оно способно решать⁵. Данный аспект напрямую связан с вопросом о целостности бессознательного, рассмотренным выше.

Одни авторы полагают, что бессознательное это “умная” структура. Вспомним позицию радикального когнитивизма, приведенную выше, где бессознательное наделяется практически неограниченными познавательными возможностями по сравнению с сознанием. В качестве аргумента в пользу утонченности (sophistication) бессознательного приводят воздействие гипнотической установки, когда человек, не осознавая своих истинных мотивов, вдруг начинает осуществлять сложное поведение. Однако такие ситуации не являются однозначным свидетельством того, что бессознательное способно выполнять сложные действия без участия сознания. Ведь гипнотическая инструкция подается человеку, изначально находящемуся в сознании, пусть и измененном.

Сторонники альтернативного взгляда на познавательные возможности бессознательного указывают на то, что в экспериментах по изучению неосознаваемой обработки информации в качестве стимулов обычно используются отдельные слова. Влияние таких стимулов на поведение и восприятие не отрицается. Однако подчеркивается, что это влияние носит примитивный характер и, как правило, не выходит за пределы наличной экспериментальной ситуации. Е.Ф. Лофтус и М.Р. Клингер формулируют это сомнение следующим образом: «Не было показано, что бессознательное способно заставить людей покупать попкорн, пить кока-колу, совершать самоубийство или в целом делать то, что они обычно не сделали бы. Только лишь то, что люди могут реагировать на неосознаваемое сообщение, не означает, что они будут автоматически следовать его директивам. Короче говоря... бессознательное не такое уж умное» [Loftus, Klinger, 1992, P. 763].

Как правило, рассмотренные выше аспекты (целостность – разрозненность и высокий – низкий уровень способностей) коррелируют между собой. Если автор полагает, что бессознательное это целостный когнитивный механизм, то он, скорее всего, высоко оценивает способности этого механизма. Если же исследователь описывает бессознательное как

⁵ Уровень когнитивных способностей бессознательного можно определить через уровень сложности операций, которые оно выполняет. К примеру, семантическая обработка одного слова, предъявляемого на миллисекунды при помощи метода прайминга, является более простой операцией по сравнению с анализом предложения. Об этом уровне также можно косвенно судить по времени, в течение которого сохраняется воздействие неосознаваемых стимулов на реакции испытуемых.

некую совокупность разрозненных ментальных операций, он с высокой вероятностью будет рассматривать эти операции как простые.

Заключение

Возрождение интереса к изучению бессознательного в рамках когнитивного подхода важно для теоретического осмысления природы разума. Слишком многое из того, что известно о его работе, указывает на то, что ментальный мир не может быть сведен к сфере феноменального опыта. Конечно же, экспериментальная ситуация это всегда намеренное упрощение реальности с целью выявить взаимодействие между зависимой и независимой переменными. Однако, с учетом того разнообразия эмпирических данных о работе бессознательного, которым на сегодня располагает наука, остается лишь догадываться о том, насколько сложными являются устройство и функционирование бессознательного за пределами лаборатории. Очевидно, что роль неосознаваемой сферы в познании велика, и что в этой области еще будет сделано множество интересных открытий.

Возвращаясь к рассмотренным альтернативным взглядам на структуру и когнитивные возможности бессознательного, нужно добавить следующее. И сильная, и слабая версии бессознательного в известном смысле носят условный характер в виду того обстоятельства, что в обоих случаях речь идет о бессознательном, действующем как бы само по себе. В реальных же условиях неосознаваемая деятельность сопровождается сознанием и находится в постоянном взаимодействии с осознаваемыми феноменами. Можно сказать, что описанные версии отражают операциональные понятия в том смысле, что их содержание определяется условиями эмпирических исследований.

Сознание устроено таким образом, что его эмпирическое изучение на основе непосредственно переживаемого опыта практически невозможно. Бессознательное в этом плане является более податливой почвой, так как и экспериментальные стимулы, и вызываемые ими поведенческие реакции объективны и легко измеряемы. При изучении бессознательного, однако же, не следует забывать о том, что оно теснейшим образом связано с сознанием. К какой бы версии бессознательного мы бы ни склонялись, необходимо помнить, что само это разделение является эпистемологически обусловленным. В силу сложившейся ситуации ученым проще экспериментально изучать бессознательное, нежели сознание.

Однако в онтологическом плане и неосознаваемые ментальные процессы, и феномены внутреннего опыта представляют собой единство.

Поэтому невозможно, к примеру, существование Вселенной Зомби, изначально лишенной сознания и являющейся, тем не менее, точной материальной копией нашего мира [Силантьев, 2015]. Ведь без феноменального опыта не возникло бы и простейшего когнитивного автоматизма, не говоря уже о программах построения сложного поведения. И хотя аргумент Зомби, предложенный Д. Чалмерсом в защиту онтологического статуса феноменального опыта, является ложным, отсюда не следует истинность редукционизма, принятого в рамках физикализма [там же]. Аналогичным образом, сложно понять, что представлял бы собой феноменальный опыт, лишенный неосознаваемых структур и правил его организации, лежащих за его пределами (вспомним понятие процедурного знания).

Подведем итог сказанному выше. Разделение металлической сферы на бессознательное и сознание, проводимое в эмпирических науках, является важным методологическим решением, поскольку сознание можно исследовать объективными методами через обращение к бессознательному. Редукционистские допущения, при которых сознание, к примеру, оказывается в крайней степени обусловленным бессознательным, оправданны требованиями объективности, которые налагает научное исследование. Однако в онтологическом плане сводить одно к другому было бы необоснованным. Сложный и многогранный характер взаимоотношений, существующий между сознанием и бессознательным еще предстоит описать в философском ключе.

Литература

1. *Аллахвердов В.М.* Когнитивная природа сознания // Когнитивная психология сознания: Сборник статей / Под ред. В.М. Аллахвердова, О.В. Заширинской. – СПб.: ЛЕМА, 2011. – С. 12.

2. *Иванчей И.И., Морошкина Н.В.* Взаимодействие имплицитных и эксплицитных знаний при научении искусственным грамматикам. Психологические исследования. – 2013. – Т. 6, № 32. – С. 2.

3. *Куделькина Н.С.* Восприятие многозначной информации как предмет психологического исследования // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 12. Вып. 4. – СПб., 2008. – С. 268–277.

4. *Лейбниц Г.В.* Монадология / Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. – Т. 1. – М.: Мысль, 1982.

5. *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1983.

6. Силантьев В.И. Онтология когнитивных процессов в концепциях философии сознания // Философия науки. – 2015. – № 4 (67). – С. 97–111.
7. Agafonov A.Iu. Priming Effect as a Result of the Nonconscious Activity of Consciousness // Journal of Russian and East European Psychology, vol. 48, no. 3, May-June 2010, pp. 17–32.
8. Bargh J.A., Morsella E. The Unconscious Mind // *Perspect Psychol Sci.* 2008 Jan; 3(1). – P. 73–74.
9. Greenwald A.G. Unconscious Cognition Reclaimed // *American Psychologist*, June 1992. – P. 766–779. P. 767.
10. Kihlstrom J.F. The Cognitive Unconscious / *Science*. – 1987. – Vol. 237. – P. 1445–1452. P. 1445.
11. Kihlstrom J.F., Barnhardt T.M., Tataryn D.J. The Psychological Unconscious. Found, Lost, and Regained // *American Psychologist*, June 1992. – P. 788–791. 789.
12. Lewicki P., Hill T., Czyzewska M. Nonconscious Acquisition of Information // *American Psychologist*, June, 1992. – P. 798.
13. Loftus E.F., Klinger M.R. Is The Unconscious Smart Or Dumb? // *American psychologist* 47. (1992)

References

1. Allagverdov V.M. Kognitivnaya priroda soznaniya // *Kognitivnaya psihologiya soznaniya: Sbornik statei / Pod. red. V.M. Allahverdova, O.V. Zashirinskoy.* SPb.: LEMA, 2011. С. 12.
2. Ivanchey I.I., Moroshkina N.V. Vzaimodeystvie implitsitnih i explitsitnih znaniy pri nauchenii iskusstvennim grammatikam. *Psihologicheskie issledovania.* 2013. Т. 6, № 32. С. 2.
3. Kudelkina N.S. Vospriyatie mnogoznachnoi informacii kak predmed psihologicheskogo issledovaniya // *Vestnik Sankt – Peterburgskogo Universiteta. Ser. 12. Vip. 4. – ЦИП.*, 2008. С. 268–277.
4. *Leibnits G.V. Monadologiya / Leibnits G. V. Sochineniya v chetireh tomah.* T.1. – M.: Misl, 1982.
5. *Leibnits G.V. Novie opiti o chelovecheskom razumenii avtora sistemi predustanovlennoy garmonii / Leibnits G. V. Sochineniya v chetireh tomah.* – T.2. – M.: Misl, 1983.
6. Силантьев В.И. Онтология когнитивных процессов в концепциях философии сознания // *Философия науки.* – 2015. – №4 (67). – С. 97–111.
7. Agafonov A.Iu. Priming Effect as a Result of the Nonconscious Activity of Consciousness // *Journal of Russian and East European Psychology*, vol. 48, no. 3, May-June 2010, pp. 17–32.
8. Bargh J.A., Morsella E. The Unconscious Mind // *Perspect Psychol Sci.* 2008 Jan; 3(1). – P. 73–74.
9. Greenwald A.G. Unconscious Cognition Reclaimed // *American Psychologist*, June 1992. – P. 766–779. P. 767.
10. Kihlstrom J.F. The Cognitive Unconscious / *Science*. – 1987. – Vol. 237. – P. 1445–1452. P. 1445.
11. Kihlstrom J.F., Barnhardt T.M., Tataryn D.J. The Psychological Unconscious. Found, Lost, and Regained // *American Psychologist*, June 1992. – P. 788–791. 789.
12. Lewicki P., Hill T., Czyzewska M. Nonconscious Acquisition of Information // *American Psychologist*, June, 1992. – P. 798.
13. Loftus E.F., Klinger M.R. Is The Unconscious Smart Or Dumb? // *American psychologist* 47. (1992)

Информация об авторе

Силантьев В.И. – Институт философии и права СО РАН (630090, г. Новосибирск, ул. Николаева 8), Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, ул. Пирогова, e-mail: vsilantev@gmail.com)

Information about the autor

Silantev V.I. – Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: vsilantev@gmail.com)

Дата поступления 18.11.2016